

Альберто МОРАВИА
ПРЕСТУПЛЕНИЕ В ТЕННИС-КЛУБЕ
[Прогресс, 1978г.]

В середине зимы правление Теннис-клуба — одного из самых известных клубов нашего города — решило дать большой бал. Правление в составе синьоров Лучини, Мастроджованни, Коста, Рипанделли и Микели, ассигновав значительную сумму на шампанское, ликёры и пирожные, а также на то, чтобы нанять приличный оркестр, перешло к составлению списка гостей. Члены клуба в большинстве своём принадлежали к тому классу общества, который принято называть “крупная буржуазия”: это были отпрыски богатых и почётных семейств, и все они, поскольку работать где-то всё-таки было нужно, делали вид, что заняты какой-то профессиональной деятельностью. Поэтому им нетрудно было набрать среди родственников, друзей и знакомых необходимое число имён, перед многими из которых стояли дворянские титулы, пусть не самые высокие, но внушительные и способные придать празднеству аристократический блеск, когда отчёты о нём появятся в светской хронике. Но в последнюю минуту, когда оставалось только разослать приглашения, возникло — как, впрочем, всегда бывает — неожиданное затруднение.

— А княгиню пригласим? — спросил Рипанделли, молодой человек лет за тридцать, с чёрными блестящими волосами, чёрными глазами и безукоризненно-правильными чертами смуглого узкого лица; эта южная красота придавала ему сходство со знаменитейшим американским киноактёром, о чём он и сам знал и умело пользовался этим, чтобы произвести впечатление на женщин.

Мастроджованни, Лучини и Микели одобрили мысль пригласить “княгиню”: будет ещё одно, а может быть, единственное развлечение. И они, хохоча и хлопая друг друга по спине, стали вспоминать все события последнего вечера: пьяную “княгиню” с мокрыми от шампанского волосами, спрятанные туфли и то, как она дожидалась отбытия последнего гостя, чтобы уйти босиком...

Только Коста, “каркающая ворона”, как все его называли, высокий, какой-то развинченный, в толстых черепаховых очках на длинном носу, всегда плохо выбритый, со щетиной на впалых щеках, только один Коста воспротивился:

— Нет, на сей раз пусть княгиня посидит дома... Хватит с меня того, что было на прошлом балу. Хотите развлекаться — отправляйтесь к ней с визитом, а здесь ни за что...

Его сотоварищи возмутились и выложили ему всё, что о нём думают: он просто дурак, вечно портит им праздник и, в конце-то концов, не он хозяин в клубе.

Уже два часа они сидели в комнатке правления, где плавали в воздухе облака табачного дыма и было жарко и сыро из-за свежевыбеленных стен; под пиджаками у всех были надеты толстые пёстрые свитеры. А там, за стёклами, торчала одна-единственная еловая ветка, такая неподвижная и печальная на сером фоне неба, что, даже не выглядывая наружу, нетрудно было догадаться, что моросит дождь. Коста встал и резко сказал:

— Я знаю, вы опять собираетесь учинить над этой несчастной какое-нибудь свинство. Так вот, говорю вам раз навсегда: это подлость, и вам самим должно быть стыдно...

— Коста, право, я считал тебя умнее, — заявил Рипанделли, продолжая сидеть.

— А я тебя порядочнее, — ответил Коста, снял с вешалки пальто и вышел, не прощаясь. После пятиминутной дискуссии правление единогласно решило пригласить на бал “княгиню”.

Бал был открыт в одиннадцатом часу вечера. Весь день лил дождь, ночь была сырая и туманная. Из дальнего конца загородного проспекта, где высилось деревянное строение клуба, можно было наблюдать внизу, в отдалённом сумраке, между двумя тёмными рядами платанов, размытый свет движущихся огней: это подъезжали машины приглашённых. В вестибюле специально нанятый гардеробщик принимал пальто у гостей, и потом они — дамы в воздушных туалетах, мужчины во фраках, — беседуя и смеясь, проходили в огромный, ослепительно освещённый зал.

Просторный зал был во всю высоту дома, на уровне второго этажа вдоль стен тянулась галерея с деревянной, выкрашенной в синий цвет балюстрадой. На галерею выходило несколько раздевалок и кладовок для спортивных снарядов. На потолке висела огромная люстра, того же цвета и в том же стиле, что и балюстрада; по случаю праздника к ней прикрепили гирлянды венецианских фонариков, разбежавшихся во все четыре угла. Цоколь тоже был крашен синим, а под скосом лестницы, что вела на второй этаж, примостился бар: разноцветные ряды бутылок и блестящий кофейный автомат.

“Княгиня”, которая вовсе не была княгиней, а всего только, как уверяли, графиней (при этом рассказывали о её прежней светской жизни и о том, как свет изгнал её из-за какой-то неблагоприятной истории, где были и адюльтер, и побег, и банкротство), “княгиня” прибыла вскоре после одиннадцати. Рипанделли, который сидел в кружке дам лицом к распахнутой в вестибюль двери, сразу заметил знакомую фигуру, невысокую, приземистую, с вывернутыми наружу, точно ласты, ступнями; повернувшись к залу сутуловатой спиной, женщина протягивала гардеробщику плащ с капюшоном.

“Ну вот, наконец!” — подумал Рипанделли с ликованием в сердце и бросился ей навстречу через толпу танцующих; он поспел как раз вовремя, чтобы помешать ей закатить пощёчину гардеробщику, с которым она затеяла ссору из-за какого-то пустяка.

— Добро пожаловать, добро пожаловать... — закричал он с порога.

— Ах, Рипанделли, избавьте меня от этого животного, — сказала “княгиня”, оборачиваясь к нему.

Лицом она была нехороша: под копной вьющихся, коротко подстриженных волос блестели усталые и испуганные круглые черные глаза, с морщинками в уголках; нос был длинный и чувственный, из ноздрей торчали волосы; широкий рот с накрашенными, увядшими губами то и дело растягивался, одаряя встречных ослепительной, ничего не значащей улыбкой. Одета “княгиня” была броско и в то же время убого:

вышедшее из моды платье с длинной юбкой и плотно облегающим корсажем, на её торчащей вперёд исхудалой груди играли отблески света, а поверх платья, быть может, чтобы прикрыть слишком низкий вырез, была накинута чёрная шаль в цветах, птицах и разноцветных узорах; вокруг головы была повязана лента, из-под которой выбивались непослушные локоны. В таком наряде, увешанная фальшивыми драгоценностями, глядя перед собой в серебряный лорнет, “княгиня” торжественно вступила в зал.

К счастью, в суматохе бала никто её не заметил. Рипанделли отвёл её в угол и сразу же заговорил развязным тоном:

— Дорогая княгиня, что с нами было бы, если бы вы не приехали!

Женщина явно была польщена, взгляд её говорил о том, что она принимает всерьёз любую сказанную ей глупость, но из кокетства она ответила:

— Вы, молодые, закидываете крючок каждой встречной женщине, чем больше попадётся, тем лучше. Разве не правда?

— Потанцуем, княгиня, — сказал Рипанделли вставая.

Они пошли танцевать.

— Вы танцуете легко, как пёрышко, — сказал молодой человек, чувствуя, как тело его партнёрши всей тяжестью виснет у него на руке.

— Мне все об этом говорят, — отвечала она пронзительным голосом. Прижимаясь грудью к накрахмаленному пластрону Рипанделли, “княгиня” трепетала в блаженном исступлении. Рипанделли стал смелее.

— Когда же вы, княгиня, пригласите меня к себе домой?

— У меня очень узкий круг друзей, — ответила несчастная женщина, которая, как всем было известно, жила в полном одиночестве. — Вчера я как раз говорила об этом герцогу Л., он просил меня о том же... Узкий кружок, самое избранное общество... Что вы хотите, сейчас такие времена, что ни в ком нельзя быть уверенным.

“Уродливая ведьма!” — подумал про себя Рипанделли, а вслух сказал:

— Нет, я не хочу, чтобы вы приглашали меня вместе со всеми... Вы должны принять меня наедине... у вас в будуаре, например... или... или в спальне.

Фраза была довольно рискованная, но женщина приняла её не протестуя.

— А если я вас приглашу, — спросила она нежно, слегка задыхаясь, возбуждённая танцем, — вы обещаете мне быть умницей?

— Клянусь!

— Тогда сегодня вечером я разрешу вам проводить меня домой. У вас ведь есть машина, правда?

Танец кончился, и, так как толпа медленно направилась к буфету, Рипанделли указал на отдельную гостиную на втором этаже, где их ждала бутылка шампанского.

— Сюда, — сказал он, делая жест в сторону лестницы, — здесь нам никто не помешает побеседовать интимно...

— О, вы хитрец, — воскликнула женщина, торопливо поднимаясь по лестнице и грозя ему лорнетом. — Вы обо всем подумали...

Гостиной служила небольшая комната, заставленная белыми шкафчиками, в которых обычно хранились ракетки и мячи.

Посередине комнаты на столе стояла бутылка шампанского в ведёрке со льдом. Молодой человек затворил дверь, пригласил “княгиню” садиться и сразу же налил ей вина.

— За здоровье прекраснейшей из княгинь, — провозгласил он стоя, — за ту женщину, о которой я думаю день и ночь.

— За ваше здоровье, — отвечала она, растерянная и возбуждённая. Она больше не куталась в шаль и открыла плечи и грудь: эти худые лопатки могли, казалось, принадлежать молодой женщине, однако при каждом её движении платье спереди сползало то вправо, то влево, отчего вырез увеличивался и бледность пожелтевшей, сморщенной кожи ясно свидетельствовала об опустошениях, произведённых возрастом. Рипанделли, подперев голову ладонью, пристально смотрел на неё притворно-страстным взглядом.

— Княгиня, ты меня любишь? — вдруг спросил он вдохновенным тоном.

— А ты меня? — ответила она с необычайным самообладанием. Но потом, словно поддавшись слишком сильному искушению, протянула руку и положила её на затылок молодого человека. — А ты? — повторила она.

Рипанделли украдкой взглянул на затворённую дверь, в зале, по-видимому, снова начали танцевать, снизу доносилось мерное шарканье ног.

— Я-то, моя милая, — ответил он с расстановкой, — я сохну по тебе, с ума схожу, света божьего не вижу...

Раздался стук, дверь распахнулась, в комнату ворвались Лучини, Микели, Мастроджованни и с ними некий Янкович. Этот неожиданный гость был самым пожилым из членов клуба, было ему под пятьдесят, и в волосах проглядывала седина. Был он весь какой-то расхлябанный; лицо длинное, узкое и унылое, с тонким носом и двумя глубокими складками от глаз до самой шеи, придававшими ему иронический вид. Янкович был процветающим промышленником; большую часть дня он проводил за картами в Теннис-клубе, где даже юнцы обращались к нему по имени, называя Беньямино. Сейчас он, увидев Рипанделли наедине с “княгиней”, испустил горестный вопль, как было заранее условлено, и воздел руки к потолку:

— Как, мой сын здесь? С женщиной? С той самой женщиной, которую я люблю?

Рипанделли обернулся к “княгине”:

— Мой отец... мы погибли!

— Прочь отсюда! — продолжал между тем Янкович всё с тем же театральным подвыванием. — Прочь отсюда, выродок!

— Отец мой, — надменно ответил Рипанделли, — я повинуюсь лишь одному голосу — голосу страсти.

— А ты, любовь моя, — присовокупил Янкович, поворачиваясь в сторону “княгини” с унылым и важным видом, — не позволяй этому мерзавцу, моему сыну, дурачить себя, поди лучше ко мне, положи прелестную головку на грудь своего Беньямино, ведь он никогда не переставал тебя любить.

В кровь кусая себе губы, чтобы не рассмеяться, Рипанделли кинулся на своего мнимого родителя:

— Я — мерзавец, я?

И далее последовала роскошно разыгранная сцена смятения и негодования. Янкович стоял лицом к Рипанделли, Рипанделли — к Янковичу, друзья с трудом удерживали их, а они делали вид, будто рвутся изо всех сил, готовые сцепиться. Среди всеобщей суматохи доносились крики: “Держите их, держите, не то они убьют друг друга!” — сопровождаемые плохо скрытыми взрывами смеха: “княгиня”, перепуганная, забилась в угол и ломала руки. Наконец бесноватых удалось успокоить.

— У нас нет средства помочь, — сказал Лучини, делая шаг вперёд. — Отец и сын влюблены в одну и ту же женщину; нужно, чтобы выбирала княгиня.

От “княгини” потребовали произнести свой приговор. Польщённая, встревоженная, нерешительная, она вышла из угла раскачивающейся походкой, загребая ногами.

— Я не могу выбрать, — сказала она наконец, внимательно оглядывая соперников, — ведь вы... вы оба мне нравитесь.

Смех и аплодисменты.

— А я тебе нравлюсь, княгиня? — спросил вдруг Лучини, обнимая её за талию. Это послужило как бы сигналом к началу вакханалии; отец и сын помирились, заключив друг друга в объятия, «княгиню» усадили между ними и щедро налили ей шампанского. Через две минуты она была уже пьяна, смеялась, хлопала в ладоши, волосы её растрепались, и голова казалась огромной.

Мужчины начали задавать ей наглые вопросы.

— Мне тут один говорил, — сказал Микели, — что ты вовсе не княгиня, что ты вообще никто, дочка колбасника, торгующего на углу. Это правда?

— Сам он сын колбасника, этот твой сплетник... — возмутилась женщина. — Чтоб вы знали, тут у нас перед войной побывал один принц крови, он прислал мне роскошный букет орхидей с записочкой... А в записочке было: “Моей Аделине от её Гого”.

Все встретили эти слова громким хохотом. Пятерым мужчинам, которые в интимные минуты заставляли своих любовниц называть себя “Нини”, “Лулу”, “мой амурчик”, “мой поросёночек”, уменьшительное имя “Гого” и ласкательное “Аделина” показались донельзя нелепыми и смешными. Держась за бока, они хохотали до изнеможения. “Ах, Гого, шалун Гого!” — повторяли они “княгиня”, пьяная и польщённая, награждала всех улыбками и взглядами через лорнет.

— Княгиня, до чего ты забавная, — кричал ей в лицо Лучини, а она смеялась, будто получила комплимент.

— Княгиня, княгиня, княгиня моя, — с чувствительным видом напевал Рипанделли; но вдруг его лицо стало жёстким, вытянув руку, он свирепо схватил женщину за грудь. Она, вся покраснев, пыталась высвободиться, потом внезапно засмеялась и метнула на молодого человека такой взгляд, что он немедля разжал руку.

— У, какая дряблая грудь, — крикнул он остальным, — совсем тряпка. А что, если нам её раздеть?

Намеченная программа шуточек была почти исчерпана, и предложение имело большой успех.

— Княгиня, — сказал Лучини, — нам говорили, что ты прекрасно сложена... Будь так великодушна, покажи нам своё тело... чтобы мы могли умереть спокойно.

— Ну-ка, княгиня, — произнёс своим серьёзным блеющим голосом Янкович, без дальнейших церемоний обхватив “княгиню” и стараясь спустить с её плеч бретельки платья, — ты не должна прятать от нас своё тельце... своё чудное тельце, белое и розовое, все в ямочках, как у шестилетней девчурки.

— Бесстыдники! — твердила “княгиня” со смехом. Но потом, сдавшись на их настоятельные просьбы, согласилась спустить платье до середины груди. Глаза её блестели, уголки губ подрагивали от удовольствия.

— Правда я хорошо сложена? — спросила она у Рипанделли.

Молодой человек скривил рот, а остальные закричали, что этого мало, они хотят видеть больше. Лучини дёрнул платье и порвал вырез. Но то ли “княгиня” стыдилась показывать своё перезревшее тело, то ли в мгновенном проблеске сознания, промелькнувшем среди винных паров, увидела себя в этой выбеленной комнатухе, среди озверелых мужчин, красную, растрёпанную, с голой грудью, — только она вдруг стала сопротивляться, отбиваться от них.

— Пустите, говорю вам, пустите меня, — требовала она, высвобождаясь.

Но игра раззадорила мужчин: двое держали её за руки, трое спустили платье до пояса, обнажив жёлтое морщинистое тело с болтающимися тёмными грудями.

— Боже, какая уродина! — закричал Микели. — А сколько на себя всего напялила! Ишь, закуталась, на ней, наверно, и штанов четыре пары.

Остальные смеялись, их веселило зрелище этой жалкой и разъярённой наготы, они старались ослабить на талии жгут из платья и комбинации. Это было нелегко, “княгиня” яростно отбивалась, её лицо под разметавшейся копной волос выглядело жалким, столько в нём было страха, стыда и отчаяния. Но сопротивление не только не вызывало у Рипанделли жалости, а, наоборот, злило его, как судороги раненого животного, которое никак не хочет умирать.

— Будешь ты стоять спокойно или нет, ведьма уродливая? — внезапно заорал он и, чтобы придать веса своим словам, схватил со стола бокал и выплеснул ледяное вино в лицо и на грудь несчастной. За неожиданным окроплением последовал жалобный, горестный вопль и новый приступ отчаянного сопротивления. Неведомо как высвободившись из рук своих мучителей, голая по пояс, подняв руки над пламенеющей шевелюрой, в свисающей поверх юбки комбинации, “княгиня” кинулась к дверям.

На миг пятеро мужчин оцепенели от неожиданности, не в силах ничего предпринять. Но Рипанделли закричал:

— Держите её, не то она выскочит на галерею!

И тут все пятеро накинулись на женщину, бегству которой помешала предусмотрительно запертая дверь. Микели схватил “княгиню” за руку. Мастроджованни — поперёк туловища, Рипанделли — за волосы. Её оттащили обратно к столу. Встретив сопротивление, мужчины озверели, в них кипело жестокое желание бить её, щипать, мучить. Рипанделли заорал ей в лицо:

— Мы хотим тебя видеть голой, голой!

Она испуганно таращила глаза, отбивалась, потом вдруг стала кричать.

Сперва раздался хриплый вопль, потом другой, похожий на рыданье, и наконец, неожиданно пронзительный, раздирающий слух визг: “И-и-и-и!” Микели и Мастроджованни, испуганные, разжали руки. Может быть, лишь в эту минуту Рипанделли впервые ощутил всю серьёзность положения, в котором оказались и он сам, и его приятели. Как будто чья-то огромная рука сжала его сердце, зажала в горсть, как губку. Им овладела бешеная ярость; он смертельно ненавидел эту женщину, которая снова метнулась к двери и с криком колотила по ней кулаками, и в то же время в нём нарастало смутное ощущение тревоги, когда думаешь: “Выхода нет, самое худшее произошло, лучше не удерживаться, катиться под откос...”. Секунду он колебался, потом словно бы чужой, неподвластной его воле рукой схватил со стола пустую бутылку и с силой опустил на темя женщины, всего один раз.

Она осела на пол, упала на кучу своего тряпья головой к порогу, в позе, не оставлявшей никаких сомнений: рухнула на правый бок, упёршись лбом в запертую дверь. Рипанделли, стоя над нею с бутылкой в руке, сосредоточенно разглядывал спину “княгини”. На уровне подмышки родимое пятно величиною с чечевицу, эта деталь и, может, ещё то, что густая шевелюра заслоняла лицо, заставили его на минуту вообразить, что ударил он кого-то другого и совсем по другой причине: скажем, некую прекрасную девушку с безукоризненным телом, которую любил долго и напрасно, на чью безжизненную грудь готов был броситься со слезами раскаяния, горького раскаяния, способного, быть может, воскресить её к жизни. Но вдруг тело странно дёрнулось и перевернулось на спину, открыв раскинувшиеся в разные стороны груди и лицо, на которое было страшно глядеть. Волосы закрывали глаза (“К счастью”, — подумал Рипанделли), но полуоткрытый безжизненный рот отчётливо напомнил ему виденных в детстве убитых животных. “Она умерла”, — подумал он спокойно и сразу испугался собственного спокойствия. И тут только он повернулся и поставил бутылку на стол.

Четверо остальных сидели в глубине комнаты у окна и с недоумённым видом смотрели на него. Стоявший посреди комнаты стол мешал им разглядеть тело “княгини”, они видели только, как он ударил. Наконец с осторожным любопытством Лучини привстал и, вытянув шею, бросил взгляд в сторону двери. Нечто лежало на полу, головой к порогу.приятели увидели, что Лучини побледнел.

— Мы, кажется, на этот раз наделали дел, — сказал он тихо, испуганно, не глядя на них.

Микели, сидевший в самом дальнем углу, тоже встал. Он был студент-медик и поэтому чувствовал какую-то ответственность.

— Может быть, она потеряла сознание, — сказал он спокойно, — надо привести её в чувство. Подождите...

Он взял со стола недопитый бокал, наклонился над телом, остальные стали в кружок. Они видели, как он подsunул руку под спину “княгини”, приподнял её, налил ей в рот немного вина. Но голова болталась, руки безжизненно свисали. Тогда Микели снова опустил женщину на пол и приложил ухо к её груди. Через секунду он встал.

— По-моему, она умерла, — сказал он, ещё красный от напряжения.

Все молчали. Потом Лучини, который не мог оторвать глаз от трупа, вдруг закричал:

— Прикройте её!

— Прикрой сам.

Снова замолчали. Снизу доносились звуки оркестра, сейчас более приглушенные, как видно, играли танго. Пятеро переглядывались. Рипанделли, единственный из всех, сидел, подперев голову обеими руками, и глядел прямо перед собой. Он видел, как чёрные брюки друзей образовали вокруг него кружок, недостаточно тесный, однако, чтобы не разглядеть между ними белой двери и под ней пятна распостёртого тела.

— Чистое сумасшествие, — начал наконец Мастроджованни, словно возражая против какой-то нелепой мысли, обращаясь к Рипанделли.

— Бутылкой! Что на тебя нашло?

— Я тут ни при чём, — произнёс чей-то дрожащий голос. Рипанделли, не подняв головы, узнал Лучини. — Вы все свидетели, я сидел у окна.

Ответил ему Янкович, самый старший из всех, с унылым видом, каким-то неестественным голосом:

— Да, да, мальчики, можете теперь спорить... кто тут при чём и кто ни при чём. А пока мы спорим, кто-нибудь сюда войдёт, и мы все отправимся продолжать наш интересный спор в другое место.

— Мы в любом случае туда отправимся, — угрюмо отозвался Рипанделли.

Янкович возразил с решительным жестом, выглядевшим комично:

— Он с ума сошёл... Ему хочется в тюрьму, и непременно вместе с нами. — На мгновение его худое лицо сплошь покрылось морщинками: он смеялся. — Послушайте, что я вам скажу...

— ???

— Так вот. Княгиня жила одна, правда? Значит, раньше чем через неделю её исчезновения никто не заметит. Сейчас мы отправимся танцевать и будем вести себя так, будто ничего не случилось. Когда бал окончится, мы погрузим её в мою машину и увезём куда-нибудь за город... Или можем бросить её в реку. Тогда решат, что это самоубийство. Живёт одна... минута отчаяния... Такие вещи случаются... Во всяком случае, если нас спросят, скажем, что в какой-то момент она вышла из зала и больше мы её не видели... Договорились?

Остальные побледнели от ужаса: женщина была мертва, это они поняли, но мысль, что совершено преступление, убийство и они все в нем виновны, не приходила им в голову. Они чувствовали себя соучастниками развлечений Рипанделли, а не совершенного им убийства. Предложение бросить труп в реку неожиданно поставило их лицом к лицу с действительностью. Лучини, Микели и Мастроджованни запротестовали, утверждая, что они не причастны к этому и не хотят быть причастными, пусть Рипанделли сам выпутывается.

— Ну что же, — ответил Янкович, прикинувший в уме возможные юридические последствия преступления, — значит, увидимся в суде... Рипанделли будет приговорён за убийство, и мы тоже получим по несколько лет за непредумышленное соучастие.

Последовало растерянное молчание. Лучини, самый молодой из всех, стоял бледный, с глазами полными слез; он вдруг стал размахивать кулаком в воздухе:

— Я знал, что так кончится, я знал... Ах, не приходите бы мне сюда!

Но всем было ясно, что Янкович прав. И пора принимать решение: с минуты на минуту в дверь могли постучаться. Предложение самого старшего было одобрено, и сразу же все пятеро мужчин, словно торопясь заглушить тягостные мысли лихорадочной деятельностью, принялись устранять следы преступления. Бутылку и бокалы заперли в шкафчик, труп не без труда перетаскивали в угол и набросили сверху губчатый мат; на стене висело зеркало, и каждый внимательно поглядел на себя, в порядке ли причёска, одежда. Потом они друг за дружкой вышли из комнаты, погасили свет, заперли дверь; ключ забрал Янкович.

К этому времени бал был в полном разгаре и блеске. Зал был забит людьми: тесно сбившись в группки, гости сидели у стен, стояли опираясь на подоконники; в центре зала во всех направлениях двигались танцующие; отовсюду летели звезды с хвостами из канители, пёстрые ватные шарики, из всех углов доносился пронзительный писк уйди-уйди и картонных дудок, среди свисавшего с люстры серпантина болтались разноцветные воздушные шары, время от времени лопавшиеся с резким хлопком, танцующие хватали их, отнимали друг у друга, затевали свалку вокруг тех, кому удавалось сохранить свои шары в целости. Смех, голоса, звуки, краски, фигуры, голубые облака табачного дыма — всё это слилось воедино перед испуганными взглядами пятерых, склонившихся с галереи над залитой светом пропастью, расплывалось в радужное марево, казалось недостижимым царством Тысячи и одной ночи, раем беззаботности и лёгкости — утраченным, навсегда утраченным для них. Вопреки всем усилиям, мысль тянула их назад, загоняла в заставленную шкафчиками комнату с бокалами на столе, со стоящими в беспорядке стульями и трупом в углу. Но, в конце концов, им удалось сбросить оцепенение, и они спустились с лестницы.

— Советую вам, — сказал в заключение Янкович, — побольше оживления: танцуйте, развлекайтесь, как будто ничего не случилось.

И вот Мастроджованни, а за ним и остальные четверо замешались в толпу, растворились в ней, неотличимые от прочих танцующих, которые, тоже в чёрном, как и они, медленно двигались, обняв дам, проплывая в танце перед подмостками оркестра.